
Социальные аспекты антропологии Канта и их влияние на социологию XX века: проблемы и примеры*

© 2019 г. А.Г. Жаворонков

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, 236038, ул. Александра Невского, д. 14.

E-mail: outdoors@yandex.ru

Поступила 15.08.2019

Статья посвящена малоисследованным социальным аспектам антропологии Иммануила Канта и одновременно служит предисловием к обсуждению влияния и актуальности кантовской антропологии, как уникальной концепции эмпирически ориентированной дисциплины, из современной перспективы социальных наук, и социологии в частности. Первая ее часть содержит краткое описание структуры кантовской прагматической антропологии и анализ ее конкретных социальных элементов, в особенности антропологической роли концепции «необщительной общительности». Во второй части я поясняю, какие ключевые факторы до сих пор препятствовали более широкой социологической рецепции антропологических идей Канта. Речь идет, в частности, об институциональных факторах, о соперничестве с другими традициями и о существовании ряда предрассудков относительно оснований, структуры и целей кантовской антропологии. В третьей части я обращаюсь к вопросу о влиянии кантовской антропологии на европейскую и американскую социологию – на примере прагматизма Дж.Г. Мида, критического рационализма Х. Альберта и философской антропологии Г. Плеснера. Моя главная цель – продемонстрировать, что из социологической перспективы антропологический проект Канта в целом не является устаревшим или несовместимым с современными теориями.

Ключевые слова: И. Кант, Ч.С. Пирс, Дж.Г. Мид, Х. Альберт, Г. Плеснер, философская антропология, социальная философия, социология.

DOI: 10.31857/S004287440007536-4

Цитирование: *Жаворонков А.Г.* Социальные аспекты антропологии Канта и их влияние на социологию XX века: проблемы и примеры // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 187–197.

* Данное исследование было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта.

Social Aspects of Kant's Anthropology and Their Influence on the 20th Century Sociology: Problems and Cases*

© 2019 г. Alexey G. Zhavoronkov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, 14, Al. Nevskogo str., 236038, Kaliningrad, Russian Federation

E-mail: outdoors@yandex.ru

Received 15.08.2019

The paper examines the often neglected social aspects of Kant's anthropology, as an introduction to the discussion concerning its influence and actuality from the modern perspective of social sciences, and sociology in particular. Its first part, containing a brief description of the structure of Kant's pragmatic anthropology as a unique concept of an empirically oriented discipline, analyzes its social elements, with an emphasis on the anthropological role of the concept of 'unsocial sociability'. In the second part, I shed light on the main factors which so far have been a major impediment to a wider sociological reception of Kant's anthropological ideas. These factors include institutional issues, rivalry with other traditions and the existence of several prejudices concerning the foundations, structure and goals of Kant's anthropology. In the third part, I turn to the question of Kant's anthropological influence on the European and American sociology — on the examples of George H. Mead's pragmatism, Hans Albert's critical rationalism and philosophical anthropology of Helmuth Plessner. My main aim is to demonstrate that from a sociological point of view the project of Kant's anthropology is neither overall obsolete nor incompatible with modern theories.

Key words: Immanuel Kant, Ch.S. Peirce, G.H. Mead, H. Albert, H. Plessner, philosophical anthropology, social philosophy, sociology.

DOI: 10.31857/S004287440007536-4

Citation: Zhavoronkov, Alexey G. (2019) 'Social Aspects of Kant's Anthropology and Their Influence on the 20th Century Sociology: Problems and Cases', *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2019), pp. 187–197.

За последние полтора десятилетия антропология Канта превратилась из маргинального предмета, интересующего лишь немногих историков философии, в одну из наиболее обсуждаемых в немецко- и англоязычном кантоведении тем. Несмотря на во многом совершенно оправданную критику некоторых его аспектов (понятия расы, попыток описать характер отдельных народов, архаичных представлений о социальной роли женщин), кантовский антропологический проект, а в первую очередь «Антропологию с прагматической точки зрения», больше не считают банальным собранием современных Канту предрассудков, теоретически и эмпирически ущербным предприятием или курьезом кантовской мысли, не вписывающимся в его философию. По мере обсуждения структуры и основных аспектов кантовской антропологии на первый план выходят вопросы о ее конкурентоспособности по отношению к другим антропологическим философским проектам и о ее роли в современных дебатах

* This research was supported by the Russian Academic Excellence Project at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

в области философской антропологии, философии биологии, этики, социальной и политической философии. Пытаясь детально, то есть философски и исторически осведомленно, ответить на эти вопросы, мы сталкиваемся с существенным препятствием, связанным с отношениями между кантовской антропологией и социальными науками — как из перспективы историко-философского анализа аргументов Канта, так с точки зрения позднейшего влияния его антропологических идей. В противоположность биологическим и этическим аспектам, социальные аспекты кантовской антропологии по-прежнему остаются вне поля зрения подавляющего большинства специалистов. Кроме того, исследования истории рецепции антропологии Канта, в отличие от рецепции других элементов его философии, фрагментарны, а в случае с социологией и вовсе отсутствуют. В своей статье я попытаюсь отчасти восполнить этот пробел, кратко описав социальные аспекты кантовской антропологии и проиллюстрировав ее рецепцию в немецко- и англоязычной социологии XX века на трех примерах.

1. Прагматическая антропология Канта и ее социальные элементы

Прежде чем приступить к описанию социальных аспектов антропологии Канта, следует сказать о ее генезисе, структуре и развитии в целом. Отдельные антропологические идеи и понятия у Канта можно найти уже в работах докритического периода, в первую очередь в «Наблюдениях за чувством прекрасного и возвышенного» (1764), «Опыте о болезнях головы» (1764) и «О различных человеческих расах» (1775). В качестве собственной дисциплины и прочного элемента его мышления «прагматическая» антропология Канта, ранние контуры которой можно увидеть в его лекциях и письмах 1770-х гг., формируется позднее, в критический период. Помимо поздней «Антропологии с прагматической точки зрения» (1798) важными источниками являются тексты «Определение понятия человеческой расы» (1785), «Предполагаемое начало человеческой истории» (1786) и «О применении телеологических принципов в философии» (1788). Кроме того, антропологические тезисы содержатся в трех кантовских «Критиках» и в политическом трактате «К вечному миру».

В своих трудах критического периода Кант разрабатывает совершенно новую, отличающую его антропологию от предыдущих и, к сожалению, часто недооцениваемую и сегодня концепцию «прагматической» рациональности действия¹. В «Антропологии» прагматическому разуму отведена особая роль: согласно Канту, если мы хотим систематически познать человека из прагматической перспективы, выходя за границы его характера как природного существа, мы должны рассматривать его как не полностью разумное, но как *способное к разуму* существо (*animal rationale*; AA VII, 321²). В этом случае мы сможем сфокусировать антропологическое познание на том, что человек «в качестве свободно действующего существа делает или может и должен сделать из себя сам» (AA VII, 119). В системе кантовских императивов прагматическая антропология помещена между чисто техническими предписаниями, обусловленными причинными законами природы, и моральными, или категорическими, императивами чистого практического разума (см. AA IV, 414–419; AA VII, 322; AA XXV, 855). Прагматический разум кантовской антропологии выходит за рамки простой инструментальной или технической рациональности, поскольку учитывает то, что мы, люди, не только из моральных соображений можем отказаться обращаться друг с другом как с инструментами для достижения цели. Если мы обладаем или хотим обладать прагматическим «знанием мира» («Weltkenntniß»: AA VII 120) или «светской умудренностью» («Weltklugheit»: AA IV, 416, 417), мы должны признать друг в друге существа, зависящие друг от друга, нуждающиеся в воспитании и признании, постоянно меняющиеся или заново изобретающие общественные нормы поведения, то есть самостоятельно создающие социальные правила и участвующие в формировании социальной реальности, в которой они живут, — то есть в конечном итоге «граждан мира» (AA VII, 120). Следуя этому принципу, мы можем воспитывать в себе все более рациональную личность, соответствующим образом действующую в человеческом обществе (подробнее см.: [Sturm 2009]).

Концепции прагматической антропологии и прагматического разума методологически и содержательно связаны с элементами критической философии Канта, сформулированной в трех «Критиках» и других работах 1780 и 1790 гг. В частности (хотя и не без определенных оговорок), можно говорить о связях между «Антропологией», теорией самосознания в первой «Критике» [Sturm 2017], учении о свободе в первых двух «Критиках» и теории организмов в третьей «Критике» (см.: [Louden 2000, Wood 2003]). Кроме того, можно обнаружить важные параллели между систематической структурой прагматической антропологии и критическим, исторически инновационным понятием науки у Канта [Sturm 2009]. На то, что антропология Канта в отдельных своих аспектах эволюционировала и в критический период, указывают изменения его позиции по ключевым темам, в частности переход от европоцентристской, морально дискриминирующей концепции расы в трудах и лекциях 1770 и 1780 гг. к космополитической, морально нейтральной идее расы в работах 1790 гг. [Zhavronkov, Salikov 2018].

Как уже было отмечено, несмотря на повышенный интерес к антропологии Канта, ее социальная составляющая пока не стала предметом подробного рассмотрения, хотя отдельные социальные аспекты кантовской антропологии периодически появляются в поле зрения кантоведов (см. в особенности [Frieron 2003, 142–145], а также [Wilson 2006, 62–69; Zöllner 2011; Rossi 2013 и Guyer 2015]³). Социологически релевантные аспекты антропологии Канта проявляются, в частности, в концепциях «необщительной общительности» («*ungesellige Geselligkeit*»), социальной природы зла и естественного стремления к «злым» поступкам, а также в идее всемирно-гражданского общества. Идея «необщительной общительности» является одной из определяющих для прагматического подхода Канта в целом: мы, люди движимы эгоистическими мотивами, но также и стремлением к социальному признанию⁴. Тот, кто желает обрести настоящую «светскую умудренность» и развить в себе прагматический разум, должен признать это противоречие и научиться с ним обращаться. Согласно Канту, природа поместила в человеческий вид «зародыш раздора», но в то же время предназначила его для социальной жизни, желая, чтобы «его разум» вывел из раздора «согласие, по крайней мере, постоянное приближение к нему» (AA VII, 322). Предмет прагматической антропологии следует тем самым интерпретировать и из перспективы динамики социального взаимодействия и конкуренции (см.: [Sturm 2017, 217]). Представление Канта о социальных отношениях в свете его концепции социальной природы зла и естественной склонности к «злым» поступкам (см.: AA XXV, 930 и др.) выглядит компромиссом между антропологическим пессимизмом Гоббса и социально-политическим оптимизмом Руссо. В свою очередь, идея всемирно-гражданского общества, как ответ на вызов «необщительной общительности» человека, в «Антропологии» становится регулятивным принципом для определения предназначения человеческого рода (AA VII, 331). На общетеоретическом уровне кантовская концепция прагматической антропологии близка современной социологии с ее холистическим подходом, учитывающим культурные, политические, экономические и индивидуально-этические аспекты человеческой жизни и ориентированным на возможность практического применения (см.: [Wood 2003], а также [Sturm 2009]).

Вопросу о влиянии социальных аспектов антропологии Канта на социальные науки уделяется еще меньше внимания, чем самим этим аспектам, хотя выбранная им позиция в существенной мере отличается от подходов его предшественников. Кант рассматривал прагматическую антропологию как эмпирическую академическую дисциплину, способную дать студентам важную информацию, или «знание мира», необходимое для их ориентирования и интеграции в общественную жизнь (см. письмо к Маркусу Герцу, написанное в конце 1773 г.: AA X, 145 f.). В частности, он подразумевал, что мы не только являемся продуктами нашего индивидуального и социального развития, но и сами формируем его принципы. В этом контексте можно говорить о наличии у Канта антропологически обоснованной теории динамики человеческой истории. В целом кантовская антропология представляет собой уникальную попытку создать науку о человеке, систематически исследующую различные аспекты

его цивилизования, культивирования и морализирования. Ее предметом является и социальная жизнь, то есть область современных социальных наук, во времена Канта не существовавших в отдельности.

В XIX и XX вв. объем знания, накопленного науками о человеке, значительно увеличился. Благодаря этому существенно изменились теоретические основания существовавших во времена Канта наук и возникло множество новых методологически, понятийно и онтологически гетерогенных дисциплин. Несмотря на то, что вместе с этим устарели многие конкретные примеры и отдельные аргументы Канта, социальные дисциплины — а в особенности политология и социология — испытали сильное влияние его понятий и идей. Кантовская антропология с ее концепцией прагматического разума играет в этом контексте далеко не в последнюю роль.

2. Кант и социология XX века

Тезис о существенном влиянии мысли Канта на социологию из современной перспективы представляется едва ли не банальным. Рецепция кантовских идей играла существенную роль в социологии первой половины XX в. (в особенности у Зиммеля и Тённиса, но также и — несмотря на редкость прямых отсылок к Канту — у Макса Вебера). В послевоенной социологии на Канта часто ссылались представители критического рационализма (в первую очередь Ханс Альберт), Лейпцигской школы (в частности Хельмут Шельски в своей трансцендентальной теории общества), а также Кёльнской школы (в особенности ее основатель Рене Кёниг). Отсылки к Канту стали неотъемлемой частью дискуссий о нормативности как социальном «прафеномене» (у Кёнига и его последователей), о роли понятия «необщительной общительности» в социологии конфликтов (Ральф Дарендорф), о методологии и границах критического рационализма⁵ и о формах познания общества (Зиммель и многие другие; о роли Канта в этих дебатах см.: [Schmitt 2000, 25 слл.]). В англоязычной социологии кантовские влияния особенно заметны в макросоциологических теориях середины XX в., например, в структурном функционализме Толкотта Парсонса, в котором отсылкам к Канту, а точнее к кантовской эпистемологии, к его пониманию телеологии и к критике утилитаризма, была отведена основополагающая роль. Историки социологии относят к заслугам Канта признание двойственной социальной природы человека как существа, обладающего потребностями и разумом, исследование связи между свободой и социализацией, в том числе ревизию теории общественного договора Руссо и различение между инстинктом и разумом на антропологическом уровне.

Несмотря на эти обстоятельства, влияние Канта на социологию не исследовано в той же мере, как роль его идей, в том числе идей антропологических, в науках о природе, в математике, физике, химии, биологии или эмпирической и рациональной психологии. И если влиянию эпистемологии и этики Канта на социологию воздают некоторые авторы, систематически занимающиеся историей этой дисциплины, то вопрос о рецепции антропологических идей Канта в социологии по сути еще не стал предметом специального разбора. Следует, впрочем, отметить, что антропология Канта, в отличие от других областей его философии, долгое время играла преимущественно маргинальную роль в социальных и общественных теориях — не в последнюю очередь потому, что вопрос о ее социологической релевантности не ставили даже занимавшиеся ею социальные философы, например Фуко [Foucault 2008]. В немецкоязычной среде антропологическая рецепция Канта испытывала давление со стороны течений, ориентировавшихся на Гегеля и Маркса. Дополнительную роль играла и конкуренция между философской антропологией и критической теорией. В немецкой социологии значительное распространение получил, в частности, изначально восходящий к Марксу тезис Хоркхаймера о том, что кантовская индивидуалистическая философия приобрела социальный характер лишь благодаря Гегелю. В англоязычной социологии рецепция, в свою очередь, в существенной мере определялась и ограничивалась специфической интерпретацией кантовского понятия прагматического.

Как минимум до конца 1990 гг. социологическая рецепция антропологических идей Канта, помимо общих институциональных проблем, имела своим препятствием

три основных фактора. **Во-первых**, во многих философских и социологических исследованиях сложилось представление о том, что кантовская антропология методологически и эмпирически устарела. Из этого представления часто исходит и критика универсализма и европоцентризма антропологического проекта Канта, а также его отдельных примеров и выводов. Так, Пол Гилрой [Gilroy 2000, 46] обвиняет Канта в европоцентризме и колониализме, ссылаясь на его антропологические лекции (в первую очередь на «Menschenkunde»: AA XXV, в особенности на стр. 1187 сл.). Кроме того, как в философии, так и в социологии давно стала общим местом критика кантовских представлений о социальных ролях полов. И хотя эта критика была часто обоснована, ее негативным следствием являлись, с одной стороны, недооценка сложности отдельных идей и понятий у Канта (например понятий расы и народа), а с другой — пренебрежение вопросом об актуальности других элементов его антропологии. **Во-вторых**, у многих социологов устоялось мнение, что важнейшие элементы кантовской философии, не только не способны помочь, но и даже могут навредить современной социологии, стремящейся методологически реформировать себя, переосмыслив подход к эмпирическому знанию. Редкое исключение представляет собой попытка немецкого социолога Бернарда Шефера использовать кантовскую теорию познания и идею практического разума для разработки «просвещенной» социологии нового типа, учитывающей достижения антропологических исследований [Schäfers 1996, 36–43]. **Третий**, историко-философский фактор является специфическим для англоязычной сферы. После окончания первой волны прагматизма и вследствие роста влияния аналитической философии на дальнейшее развитие этого направления вклад Канта в возникновение прагматической программы в философии и в социальных науках в целом был скоро предан забвению.

В последние два десятилетия ситуация постепенно начала меняться, в первую очередь благодаря бурному развитию наук о жизни, которое привело к тому, что в социальных науках гораздо чаще стали обращаться к антропологическим концепциям и понятиям, а также к большим философско-антропологическим проектам, как это уже происходило в немецкой поствоенной социологии, находившейся под влиянием идей Макса Шелера, Гельмута Плеснера и Арнольда Гелена (см. подробнее: [Brunkhorst 2008, 167 слл.]). В частности, предложенная социологом Гезой Линдеман концепция рефлексивной антропологии [Lindemann 2002], а также основанная Робертом Зейфертом и Хайке Делиц «социология жизни» опираются на философскую антропологию Плеснера, при том что последний сам адаптирует некоторые антропологические понятия и темы философии Канта (например, роль «моральной видимости») к своему социологическо-антропологическому подходу. И все же, несмотря на изменившийся контекст, отсылки к кантовским антропологическим идеям по разным причинам остаются редким явлением в социологии, хотя при ближайшем рассмотрении нетрудно заметить, что антропология Канта методологически и тематически могла бы многое дать современным исследованиям и теориям.

3. Примеры социологической рецепции антропологии Канта

Несмотря на ее относительно фрагментарный характер, социологическую рецепцию антропологических идей Канта невозможно охватить целиком в одной статье. Для освещения основных аспектов я проиллюстрирую ее тремя примерами — американского прагматизма, критического рационализма и философской антропологии.

(i) В «старом» американском прагматизме до аналитического поворота антропология Канта играла заметную методологическую роль, опосредованно, а подчас и прямо влияя на затронутые философской программой прагматизма области социальных наук. Правда, в работах основателей прагматизма кантовскому понятию прагматического придавалось далеко не одинаковое значение. Ч.С. Пирс видел в прагматической антропологии Канта разновидность практической этики, стремящуюся к достижению своих целей через экспериментальный подход и тем самым созвучную его собственному прагматическому проекту. У. Джеймс, в свою очередь, обращался к кантовской антропологии лишь в связи с частными вопросами, например, тогда, когда речь шла о прагматической роли человеческого благополучия. Это различие

в интерпретациях является одной из наиболее существенных причин того, почему мы не можем говорить о единообразии или теоретической преемственности прагматически ориентированной социологической рецепции, что, впрочем, не делает последнюю менее значимой.

Само возникновение термина «прагматизм» прямо связано с кантовской антропологией. Выбор в пользу термина «прагматический» был сделан Пирсом во многом благодаря чтению Канта в 1860–1870-х гг. и знакомству с кантовским различием между «прагматическим» и «практическим» разумом. Из-за своей связи с априорными условиями познания кантовская концепция практического не подходила для описания метода прагматизма. Прагматическая антропология, понимаемая Кантом как «знание о мире», напротив, представляла собой удобное эмпирическое основание для идей Пирса. В одной из его не опубликованных при жизни работ, 50 лет спустя вошедших в сборник избранных трудов («Selected Writings»), мы находим детальное разъяснение того, как сам Пирс понимал различия между двумя кантовскими понятиями: «...для того, кто изучал философию по Канту... *praktisch* и *pragmatisch* столь же далеки друг от друга, как два полюса: первый принадлежит той области мысли, в которой ни один экспериментирующий ум не сможет обрести твердую почву под ногами, а второй выражает отношение к определенной человеческой цели» [Reirce 1934, 412]. И хотя Пирс явно преувеличивает дистанцию между прагматическим и практическим (у Канта прагматическое совершенно очевидно относится к области практического), он прав в том, что из кантовской перспективы его подход гораздо более «прагматичен», чем «практичен» (см. об этом также: [Willaschek 2015]).

Среди представителей прагматической социологии кантовская антропология оказала существенное влияние на Джорджа Герберта Мида. Для Мида Кант всегда был ключевым собеседником, с которым, впрочем, чаще спорят, нежели соглашаются. Так, в своей незавершенной диссертации, посвященной критике эмпирической концепции пространства, Мид пытается разработать свою собственную идею пространства, отталкиваясь от кантовского феноменализма (см.: [Joas 1989, 25]). Свою концепцию Я Мид также стремится четко отделить от кантовской. В ранней статье «Психология карательного правосудия» он отвергает представление Канта о реакции Я «на абстрактные универсалии» как фундаментальное логическое заблуждение, поскольку, по мнению Мида, «выход из эгоизма» возможен скорее благодаря «признанию врожденного социального характера человеческой природы» [Mead 1918, 585]. Любопытно, что именно этот утверждаемый Мидом недостаток кантовской аргументации можно было бы во многом нивелировать отсылкой к прагматической антропологии Канта. Судя по всему, на это впоследствии обращает внимание и сам Мид, поскольку в своей теории социального Я он перенимает антропологическо-прагматические аспекты кантовской теории человеческого познания, в том числе выраженные в понятии «необщительной общительности». В частности, в изображении Мидом отношений между Я и обобщенным Другим, или социальным целым, в его наиболее известной работе «Разум, Я и общество» (1934), скомпилированной и опубликованной после его смерти, проявляются бросающиеся в глаза параллели с кантовским объяснением взаимодействия между индивидом и обществом, например, в лекциях по антропологии (см. рукопись Мронговиуша: VA-Mrongovius, AA XXV, 1416). И хотя Мид, подобно другим прагматистам, критикует кантовские универсалии и представление о привилегированном характере форм в сравнении с объектами, он, подобно Канту, описывает генезис и структуру социальных процессов не просто через призму индивидуального, но из антропологической перспективы, что позволяет нам сделать вывод о конструктивном влиянии кантовской антропологии на его символический интеракционизм.

(ii) Еще более заметно наследие антропологии Канта в критическом рационализме. Карл Поппер в своей речи, посвященной памяти немецкого философа («Immanuel Kant: Philosopher of the Enlightenment», 1954), называет его идейным предшественником и отцом этого направления. На уровне теории познания критический рационализм продолжает начатый Кантом «коперниканский поворот», то есть критику

эмпиризма и догматизма. Ориентиром для него служат кантовские концепции разума, суждения и просвещения, в смысле поиска рациональных решений социальных проблем. На этическом уровне в первую очередь заимствуется кантовский образ человека как законодателя морали (хотя это заимствование и нельзя назвать полностью некритическим)⁶. К сожалению, исследователи критического рационализма в основном не принимают в расчет то, что описанная рецепция кантовских идей в значительной степени носит антропологический характер. На последнее обстоятельство указывают лишь редкие авторы, в частности социолог Бернард Шеферс, отмечающий центральную роль прагматического мышления для методологического самопросвещения современных социальных наук, а в особенности критического рационализма. В этом свете оказывается важным вопрос о применимости к кантовской антропологии критериев научности, а также фаллибилизм Канта и его антропологические высказывания о социальных аспектах человеческой жизни.

Как это ни удивительно, на первый взгляд, детальный анализ антропологической рецепции Канта в трудах представителей критического рационализма затруднен тем, что многие из них (за исключением Поппера) считают скрытые отсылки к Канту и кантианству совершенно очевидными, не находя нужным их подробно раскрывать или обосновывать (см.: [Schäfers 1996, 30–31]). Указанная особенность характерна и для работ Ханса Альберта, считающегося главным представителем этого социологического направления. Тем не менее, несмотря на относительную редкость конкретных цитат и отсылок, методологическая и тематическая связь его ключевых тезисов с идеями и тезисами Канта весьма прочна. Так, отстаиваемый Альбертом⁷ и многими другими из его школы фаллибилизм, указывающий на ограниченный характер способностей суждения человеческого разума, восходит к кантовскому представлению о человеке как не полностью разумном, но наделенном разумом существе. В свою очередь кантовская идея о том, что люди должны прагматически использовать свои способности, а также представление о просвещении как непрестанном и бесконечном критическом устранении предрассудков созвучны основополагающему для критического рационализма принципу решения проблем через действие. Наконец, требование свободы и связь между свободой и самореализацией в действии, также занимающие центральное место в критическом рационализме, выглядят практическим развитием и социологическим воплощением кантовской идеи человека как свободно действующего существа в «Антропологии с прагматической точки зрения».

(iii) Одна из наиболее интересных глав социологической рецепции кантовской антропологии касается неоднократно упомянутого выше понятия «необщительности» и иллюстрирует конкуренцию между двумя антропологическими перспективами – Канта и Плеснера. Плеснер, вместе с Максом Шелером заново основавший философскую антропологию придавший ей статус самостоятельного философского течения, известен как своими философскими, так и социологическими концепциями, которые в его работах чаще всего оказываются тесно связаны друг с другом. Эту связь можно увидеть в первую очередь в плеснеровской концепции общества, противопоставленной выделяемым им двум типам сообщества (см.: «Границы сообщества. Критика социального радикализма», 1924). Не менее заметна она и в антропологических работах, таких как его программный труд «Ступени органического и человек» (1928) или более поздние «Власть и человеческая природа» (1931) и «Смех и плач. Исследование границ человеческого поведения» (1941). Его рецепция Канта была отчасти опосредована неокантианством. Впрочем, во многих случаях Плеснер прямо ссылается на Канта, будь то в положительном смысле (например, когда речь идет о структуре человеческого познания) или в контексте критики универсализма и европоцентризма «классических» антропологий Канта и Гегеля.

В своей работе «Необщительная общительность: заметки об одном кантовском понятии» (1966) Плеснер подвергает критике сформулированный в «Идее всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» и развитый в «Антропологии» тезис Канта, согласно которому люди как индивиды эгоистичны, поскольку их побуждает к тому «честолюбие, властолюбие или корыстолюбие» (см.: AA VIII, 21). Плеснер ставит своей

целью опровергнуть антропологическую роль отличительного признака человека, согласно Канту состоящего в естественном стремлении к социализации в борьбе с со стремлением эгоистическим. Он ставит Канту в вину то обстоятельство, что последний не учитывает социологически базовое, многократно подчеркнутое Плеснером в «Границах сообщества» различие между индивидуальным и социально обусловленным действием, то есть между индивидом и личностью, носящей социальную маску. Согласно Плеснеру, Кант попадает в логическую ловушку *pars pro toto*, распространяя выводы о социальном поведении человека на его индивидуальные, естественные свойства. Плеснер утверждает, что властолюбие, а в особенности честолюбие и корыстолюбие нельзя понимать как человеческие константы, поскольку подобное допущение не только основано на антропоморфизме, противоречащем эмпирическим результатам зоологии, но и не принимает в расчет различия между формами общества. Тем самым «необщительная общительность», согласно Плеснеру, может являться возможным элементом рационального понимания социальных процессов, но не способна служить антропологическим основанием этого понимания [Plessner 1983, 306]. Хотя Плеснер действительно находит отдельные слабые места в разрозненных социальных аргументах кантовской антропологии, его критика, в свою очередь, может встретить обоснованные возражения, поскольку она лишь слегка корректирует, но не опровергает главный довод Канта, согласно которому «необщительная общительность» (или «необщительность», как Кант называет ее в некоторых работах, в частности в АА VIII, 24) состоит в постоянном конфликте между естественным стремлением к социализации и эгоистическими мотивами каждого индивида. Несмотря на то, что «необщительная общительность» может на первый взгляд представляться слишком размытым термином, ее связующая роль между философской антропологией и социальной философией заслуживает внимания не только из перспективы ее рецепции в социологических теориях конфликта в XX веке (например, у Дарендорфа), но и в контексте продолжающихся современных дебатов о коммунитаризме — в качестве противовеса критической теории Акселя Хоннета и философской антропологии Плеснера, а возможно, и в роли важного дополнения к ним.

Обнаружение скрытых, часто разрозненных аспектов немецко- и англоязычной социологической рецепции кантовской антропологии в XX веке не является исключительно исторически ориентированной, систематизирующей задачей. Углубленное изучение этой темы может пролить свет на вопросы о различии между кантовским понятием прагматического и современным прагматизмом в социологии, а также о преимуществах и недостатках кантовской антропологии по сравнению с подходом, ориентированным на гегелевское понимание общества, социальной нормативности и коллективного действия. Тем самым можно установить хронологическую и содержательную связь между антропологическими идеями Канта и проблематикой современных социологических дебатов. Очевидно, что проект кантовской антропологии представляет собой потенциальную альтернативу другим антропологически содержательным перспективам современной социологии. Насколько плодотворна эта альтернатива, покажут будущие исследования.

Примечания

¹ Я очень благодарен Томасу Штурму и Алексею Саликову за возможность обсуждения кантовского понятия прагматического разума и за их советы, высказанные во время нашей совместной работы над проектом по кантовской антропологии и социальным наукам.

² Поскольку на русском языке основные антропологические работы Канта представлены в существенно устаревших, не учитывающих современное состояние исследований переводах, вошедших в шести- и восьмитомное собрание сочинений, а письма и антропологические лекции пока не переведены, здесь и далее ссылки даются на тома немецкого академического издания Канта (Akademie-Ausgabe, сокращенно — АА).

³ Из русскоязычных (или переведенных на русский язык) работ см. в первую очередь: [Мальтер 1989; Ойзерман 1994; Соловьев 2008; Соболева 2013].

⁴ Хотя об идее «необщительной общительности» есть ряд очень хороших работ (см., в частности, [Wood 1991] и [Waldenfels 2015]), ее пока не интерпретировали с точки зрения ее социальной роли в структуре кантовского проекта антропологии.

⁵ См. утверждение о том, что Кант был «духовным предшественником» этого направления [Lührs/Sarrazin/Spreer/Tietzel 1975, 2].

⁶ См. уже критику Поппера в адрес Канта. С критическим рационализмом оказываются несовместимыми, в частности, концепция синтетических суждений а priori и кантовская идея времени. См. подробнее: [Schäfers 1996, 30].

⁷ См. в особенности работы Альберта «Трактат о критическом разуме» («Traktat über Kritische Vernunft», 1968), «Критический разум и человеческая практика» («Kritische Vernunft und menschliche Praxis», 1977), «Наука и способность разума ошибаться» («Die Wissenschaft und die Fehlbarkeit der Vernunft» 1982) и «Свобода и порядок» («Freiheit und Ordnung», 1986).

Источники

AA – Kant, Immanuel (1900–н.в.) *Gesammelte Schriften*, Akademie-Ausgabe, Berlin.

Ссылки – References in Russian

Мальтер 1989 – *Мальтер Р.* Индивидуум и общество в кантовской антропологии и философии истории // *Кантовский сборник*. 1989. Вып. 14. С. 25–34.

Ойзерман 1994 – *Ойзерман Т.И.* Учение Канта об изначальном зле в человеческой природе // *Кантовский сборник*. 1994. Вып. 18. С. 11–20.

Соболева 2013 – *Соболева М.Е.* О зле в человеческой природе в трудах Канта // *Кантовский сборник*. 2013. Вып. 4 (46). С. 15–29.

Соловьев 2008 – *Соловьев Э.Ю.* Человек под вопросом (нелживость, правдивость и право на молчание) // *Логос*. 2008. № 5 (68). С. 23–34.

References

Brunkhorst, Hauke (2008) ‘Die Kommunikative Wende der Soziologie. Jürgen Habermas im Kontext der Nachkriegssoziologie’, *Das Feld der Frankfurter Kultur- und Sozialwissenschaften nach 1945*, ed. by R. Faber, Königshausen & Neumann, Würzburg, pp. 167–188.

Foucault, Michel (2008) *Anthropologie du point de vue pragmatique. Introduction a l’Anthropologie* [1964], Vrin, Paris.

Frierson, Patrick J. (2003) *Freedom and Anthropology in Kant’s Moral Philosophy*, Cambridge University Press, Cambridge.

Gilroy, Paul (2000) *Against Race: Imagining Political Culture Beyond the Color Line*, Belknap Press, Cambridge.

Guyer, Paul (2015) ‘Play and Society in Kant’s Anthropology’, *Reading Kant’s Lectures*, ed. by R.R. Clewis, De Gruyter, Berlin, Boston, pp. 223–241.

Joas, Hans (1989) *Praktische Intersubjektivität: Die Entwicklung des Werkes von George Herbert Mead*, Suhrkamp, Frankfurt a.M.

Lindemann, Gesa (2002) *Die Grenzen des Sozialen: Zur sozio-technischen Konstruktion von Leben und Tod in der Intensivmedizin*, Wilhelm Fink, München.

Louden, Robert B. (2000) *Kant’s Impure Ethics: From Rational Beings to Human Beings*, Oxford University Press, New York.

Lührs, Georg, Sarrazin, Thilo, Spreer, Frithjof, Tietzel, Manfred (1975) ‘Kritischer Rationalismus und Sozialdemokratie’, *Kritischer Rationalismus und Sozialdemokratie*, ed. by G. Lührs, T. Sarrazin, F. Spreer, M. Tietzel, Dietz Verlag, Berlin, Bonn, Bad Godesberg, pp. 1–54.

Malter, Rudolf (1989) ‘Individual and Society in Kant’s Anthropology and Philosophy of History’, *Kantovsky Sbornik*, Vol. 14, pp. 25–34 (in Russian).

Mead, George H. (1918) ‘The Psychology of Punitive Justice’, *American Journal of Sociology*, Vol. 23, pp. 577–602.

Oizerman, Teodor I. (1994), ‘Kant’s Doctrine of Primordial Evil in the Human Nature’, *Kantovsky Sbornik*, Vol. 18, pp. 11–20 (in Russian).

Peirce, Charles S. (1934) *Collected Papers*, Vol. 5, ed. by C. Hartshorne, P. Weiss, Harvard University Press, Cambridge.

Plessner, Helmuth (1983) ‘Ungeellige Geselligkeit. Anmerkungen zu einem Kantischen Begriff [1966]’, *Gesammelte Schriften*, Bd. VIII: *Conditio humana*, Suhrkamp, Frankfurt a.M., pp. 294–306.

Rossi, Philip J. (2013) ‘Cosmopolitanism – Kant’s Social Anthropology of Hope’, *Kant und die Philosophie in weltbürgerlicher Absicht: Akten des XI. Kant-Kongresses 2010*, Bd. 4, ed. by S. Bacin, A. Ferrarini, C. La Rocca, M. Ruffing, De Gruyter, Berlin, pp. 827–837.

Schäfers, Bernhard (1996) ‘Kant und die Entwicklung einer aufgeklärten Erkenntnistheorie und Sozialwissenschaft’, *Soziologie und Gesellschaftsentwicklung: Aufsätze 1966–1996*, Springer, Wiesbaden, pp. 22–43.

- Schmitt, Jürgen (2000) *Die Grenzen der Rational Choice Theorie*, Springer, Wiesbaden.
- Soboleva, Maja E. (2013) 'Kant on Evil in the Human Nature', *Kantovsky Sbornik*, Vol. 4 (46), pp. 15–29 (in Russian).
- Soloviev, Erikh Yu. (2008) 'The Question of Human Being (Non-Falsehood, Truthfulness and the Right to Silence)', *Logos*, Vol. 5 (68), pp. 23–34 (in Russian).
- Sturm, Thomas (2017) 'Reines und empirisches Bewusstsein in Kants Anthropologie: Das "Ich" und die rationale Charakterentwicklung', *Immanuel Kant – Die Einheit des Bewusstseins*, ed. by G. Motta, U. Thiel, De Gruyter, Berlin, Boston, pp. 195–220.
- Sturm, Thomas (2009) *Kant und die Wissenschaften vom Menschen*, Mentis Verlag, Paderborn.
- Waldenfels, Bernhard (2015) 'Das Dilemma einer ungeselligen Geselligkeit', *Sozialität und Alterität: Modi sozialer Erfahrung*, Suhrkamp, Berlin, pp. 29–72.
- Willaschek, Marcus (2015) 'Kant and Peirce on Belief', *Pragmatism, Kant and Transcendental Philosophy*, ed. by G. Gava, R. Stern, Routledge, New York, pp. 133–151.
- Wilson, Holly J. (2006) *Kant's Pragmatic Anthropology: Its Origin, Meaning and Critical Significance*, SUNY Press, New York.
- Wood, Allen (2003) 'Kant and the Problem of Human Nature', *Essays on Kant's Anthropology*, ed. by B. Jacobs, P. Kain, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 38–59.
- Wood, Allen (1991) 'Unsocial Sociability: The Anthropological Basis of Kantian Ethics', *Philosophical Topics*, Vol. 19, pp. 325–351.
- Zhavoronkov, Alexey G., Salikov, Alexey N. (2018) 'The Concept of Race in Kant's Lectures on Anthropology', *Con-Textos Kantianos*, Vol. 7, pp. 275–292.
- Zöller, Günter (2011) 'Kant's Political Anthropology', *Kant Yearbook*, Vol. 3, pp. 131–161.

Сведения об авторе

ЖАВОРОНКОВ Алексей Геннадьевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН; старший научный сотрудник Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта.

Author's information

ZHAVORONKOV Alexey G. – CSc in Classical Philology, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Senior Research Fellow, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University.